

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

«СМЕРЧ В ПУСТЫНЕ»

Майор, не привыкший
бросать своих

СПЕЦНАЗ

ГРУ

Спецназ ГРУ. Боевые романы Сергея Зверева

Сергей Зверев

Смерч в пустыне

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Смерч в пустыне / С. И. Зверев — «Эксмо», 2026 — (Спецназ ГРУ. Боевые романы Сергея Зверева)

ISBN 978-5-04-255125-3

Суммарный тираж книг автора — более 6 миллионов экземпляров. 2017 год. Сирия. Российское командование получает данные разведки о том, что из США на вооружение боевиков поступила новейшая модификация ПЗРК. Это значительно усиливает огневую мощь врага. Группе майора ГРУ Алексея Мухина приказано проникнуть на базу противника, уничтожить зенитные комплексы, а один образец доставить нашим специалистам для изучения. В это же время моджахедам удастся операция, в результате которой в плену оказывается близкий майору Мухину человек. Алексей принимает это известие как личный вызов главаря исламистов... Реальные герои в реальных условиях для настоящих читателей. Горные перевалы, засады и жестокие схватки с бандитами — такова пропитанная порохом атмосфера этих захватывающих боевиков. «У войны много лиц. А у того, кто достоверно пишет о ней, лицо Сергея Зверева. Этот автор знает о боевых действиях все. Кажется, он сам прошел эти суровые тропы только для того, чтобы без прикрас рассказать о тех, кто упорно продолжает идти по ним...» — Валерий ШАРАПОВ, автор ретро-детективов

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-255125-3

© Зверев С. И., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сергей Зверев

Смерч в пустыне

© Зверев С.И., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава 1

Поселок Синджарма встретил их тишиной. Это была та особенная, «мертвая» тишина Леванта, когда даже ветер не решается шелестеть рваными простынями в выбитых окнах, а воздух тяжел от запаха гари, известковой пыли и тлена. Группа майора Иноземцева – двенадцать человек, с лицами, скрытыми под серыми респираторами и солнцезащитными очками, прошла по главной улице, прижимаясь к стенам домов и глиняным заборам. За ними, шумно переговариваясь и бряцая снаряжением, тянулась рота сирийской армии: изможденные, обмотанные тряпьем парни, которые уже успели забыть вкус победы.

Машины пришлось оставить на окраине поселка. Что-то подсказывало майору, что опасность есть. Но важнее всего была вода, колодец в поселке. У командира группы российского спецназа с позывным «Зима» заканчивалась в Сирии уже вторая командировка. Опыт большой, и опасность он чувствовал, что называется, нутром. Слишком легко они вошли, слишком безлюдно здесь. Майор хорошо знал, что там, где есть вода, там обязательно есть и люди. Хотя немного, но есть, живут. Западня?

Командир уже поднял руку для команды «Стоять», когда в небо над восточной окраиной ушла трассирующая очередь. Десантники сразу рассыпались по улице в поисках укрытия и готовясь к бою. И их накрыло будто волной. Из переулков, из подвалов, из заросших сухим кустарником дворов поперли бородатые люди в черном, перепоясанные ремнями и увешанные подсумками с автоматными магазинами, гранатами. Они стреляли во все, что видели перед собой, не экономя боеприпасы, уверенные в своем превосходстве. Они были везде, их было во много раз больше, чем сирийских солдат. Иноземцев, прежде чем открыть огонь, оглянулся: улица усеивалась телами убитых и раненых.

Их была и не сотня, и не две. Пулеметчик с позывным «Клим» занял хорошую на тот момент позицию. Его прикрывали с фланга двое спецназовцев, и «Клим» мог пока удерживать почти всю улицу, прошивая ее пулеметным огнем. Заработал еще один пулемет, но теперь уже стрелял сирийский боец. Смуглый парень улегся прямо за забором так, что у него были открыты фланги. На пулеметчика обрушился шквал огня, и он не выдержал, бросил свой РПК и побежал. Иноземцев выругался. Сейчас все рухнет! Так и случилось – без прикрытия пулемета остатки сирийской роты побежали. Побежали все.

Линия обороны сирийской роты сломалась мгновенно. Еще секунду назад она была боевой единицей, а теперь превратилась в обезумевшую толпу, которая давила друг друга на узких улочках, бросая под ноги магазины и подсумки. Раздавались стоны, крики «Аллах акбар!» с той стороны и крики сирийских младших командиров, пытающихся собрать остатки подразделения и организовать оборону. И только российский спецназ молча и хладнокровно отбивал налеты боевиков.

– Останови своих солдат! Командуй, сука! – орал старшина «Рыбарь», хватая за ворот сирийского офицера, но тот лишь закатывал глаза, указывая на десяток окровавленных тел, оставшихся лежать на пыльной мостовой. Раненых было много, но большинство сирийцы сумели утащить с поля боя благодаря прикрывавшим их русским бойцам. Сирийцы отстреливались и уходили назад к машинам. Они явно заберут весь транспорт. Если добегут, если боевики ИГИЛ¹ дадут им такую возможность. Или если выдержит российский спецназ.

Иноземцев оценил ситуацию. Времени на эвакуацию – минуты. Сирийцы сломлены, и, если он сейчас не примет решение, поселок станет братской могилой для всех.

– Группа! Остаемся прикрывать. Отходим парами к двухэтажному зданию в конце улицы. Подствольниками огонь! Первая пара пошла!

¹ ИГИЛ – террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации

Голос командира в наушниках коммуникаторов спецназовцев был спокойным, будто речь шла о разборе планов на учениях. Подбежавший сирийский командир, молодой капитан с трясущейся губой, бросился что-то кричать и размахивать руками, но Игорь только отмахнулся.

– Уводи людей! Мы прикроем!

Единственным строением, которое могло выдержать хотя бы несколько прямых попаданий ручного гранатомета, был стоящий в центре поселка заброшенный двухэтажный дом из желтого песчаника – бывшая школа или муниципалитет. Толстые стены, узкие бойницы вместо окон на первом этаже и обрушенная лестница на второй этаж. Спецназовцы влетели внутрь за сорок секунд, поочередно прикрывая передвижения друг друга. Работали слаженно: кто-то, выбивая ногой дверь, проверял соседние помещения, кто-то помогал установить пулемет у оконного проема, кто-то вскрывал цинки с патронами, принимая их от товарищей. Боеприпасы распределяли по будущим позициям. Трое спецназовцев ножами и найденной деревянной балкой разбивали внутренние стены, проделывая проходы для маневра внутри здания.

– Боекомплект по минимуму, – крикнул «Рыбарь», осматривая вскрытые цинки и снаряженные автоматные магазины, которые бойцы поспешно доставали из своих тактических рюкзаков. – Патронов на час, если жарить без перерыва.

– Экономный огонь, – ответил майор, поправляя микрофон возле рта. – «Клим», работаешь, когда попрут толпой. Твоя задача – заградительный огонь.

Боевики стреляли слабо, и это было объяснимо. Скорее всего, они сейчас скапливались для атаки здания во дворах и за стенами. В эфире то и дело слышались доклады с координатами мест, где мелькали фигуры врага. У Иноземцева сразу стала складываться картина будущей атаки на обороняемый дом. Он в последний раз бросил взгляд на столб пыли, который поднимали удиравшие сирийцы, и снова сосредоточился на бое. Ситуация была непростая – боевиков вокруг собралось не менее трех сотен, но позицию майор выбрал удачно. Скрытно к стенам дома подойти невозможно даже на расстояние броска гранаты. Опасаться надо гранатометов или минометов. Бойцы с ним в группе были опытные – у каждого это не первый выход и не первый стрелковый бой. Все установили переводчик огня на отсечку в два патрона. Это позволит экономить боеприпасы, а уж метко стрелять в спецназе учили первым делом.

Первая волна атаки захлебнулась на дальних подступах. Игилловцы, истошно крича, подбадривая самих себя воплями, шли плотно, плечом к плечу, – старая тактика подавления психики противника числом. И эту вывалившуюся на открытое пространство толпу «спецы» встретили не с суеверным ужасом, а с математической холодностью. Работали парами: в «связке» каждый вел наблюдение за своим сектором обстрела. Секторы пересекались, двух бойцов Иноземцев назначил в подвижный огневой резерв.

Грохот боя мгновенно стих, как только площадь вокруг здания опустела. Боевики отступили, оставив перед домом не менее трех десятков трупов. Снайпер на крыше вовремя снимал командиров и гранатометчиков. У майора не было с собой оператора беспилотников, и полагаться приходилось на опыт и внимательность самих бойцов. В принципе, эта оборона была как бы разделом из учебника по тактике оборонительного боя в черте города. Подобные операции десятки раз отрабатывались, изучались, анализировались еще в училище. Иноземцев смотрел в окно и выслушивал доклады бойцов. Порядок и на первом этаже, и на втором. Раненых нет. Только вот что придумают боевики. Не станут же они тупо ломиться «в одни ворота».

– Всем приготовиться. Внимательнее, ребята, – передал в эфир через личный коммуникатор Иноземцев, – они сейчас начнут обрабатывать нас из РПГ. Сменить позиции! Приготовить ручные гранаты. «Рыбарь», растяжки у двух входов на первом этаже стоят?

Связи со своими нет. Индивидуальные рации-коммуникаторы годятся только для тактической связи на поле боя, и берут они не больше чем на пять километров по прямой. До своих на базе не докричаться. Одна надежда, что сирийцы не подведут и вовремя доложат о

группе спецназа, которая осталась прикрывать их отход с ранеными в забытом богом поселке Синджарма.

Боевики опомнились довольно быстро. Начали обстрел из гранатометов, но делали это практически вслепую. Видимо, потери от первой атаки все же боевиков впечатлили. Снаряды РПГ с грохотом вгрызались в песчаник, кроша его, но стены стояли.

Осколки секли стены внутри здания, били по каскам и бронежилетам. В помещении воняло сожженной взрывчаткой. Снайпер на крыше, сменив позицию, оставался невидимым пока для командира боевиков. Но он успевал корректировать огонь группы.

– «Макс», это «Колун»! Второй дом, пролом в стене...

– Понял, «Колун». Чей сектор? Заткните его.

Раздался едва слышный в этом грохоте хлопок, и граната, вылетевшая из подствольника, улетела к пролому. Вспучилось серое облако, полетели в разные стороны камни, и гранатометчик затих, уткнувшись головой в стену дома. Еще несколько минут – и огонь со стороны боевиков прекратился. Это была нехорошая пауза, она предвещала новую атаку. Иноземцев снова напомнил бойцам, что следует сменить позиции, потому что за время, пока они выбивали гранатометчиков, их огневые точки враг мог засечь. Но было еще что-то. Майор чувствовал, что эта тишина, а тем более стрельба из гранатометов как-то связаны.

– «Рыбарь», это «Макс»! Возьми с собой бойца и проверь подвалы. Тут может оказаться подземный водовод.

– Понял, – тут же отозвался старшина. – В «песочнице»² таких много!

Старшина махнул рукой, и боец с позывным «Фома» оставил своего напарника на позиции и поспешил, пригибаясь возле оконных проемов, за «Рыбарем». Через несколько минут через окно нижнего этажа они заметили откинутую запыленную каменную плиту. Под ней темнела пустота. Так и есть – командир оказался прав. Подземный канал – пересохший водовод. Спецназовцы как по команде вскинули автоматы, когда в темноте подполья заметили, как кто-то шевелился. Оттуда показалась голова боевика, и тут же две очереди заставили его убраться вниз. Из темноты послышались проклятья, ударил автомат, но бойцы уже доставали гранаты. Две «эфки» полетели в темноту, и через несколько секунд оттуда пахнуло жаром взрывов и столбом вырвалась пыль. Земля просела, и водовод обвалился на расстоянии метров двадцати, похоронив тех, кто пытался выйти к русским бойцам с тыла.

Иноземцев посмотрел на часы, хотя и так знал, сколько прошло времени с начала боя. Внутренние часы никогда не подводили майора. Еще часа три до сумерек. За это время группа истратила большую часть боеприпасов, а игиловцы перекроют все пути отхода, понаставят растяжек, которые в темноте сделают путь непроходимым. Сейчас они подготовятся, размышлял майор, а ночью они нас отсюда выкурят и перебьют в свете пожара. Будь пространства вокруг дома чуть больше, и можно было бы продержаться гораздо дольше. Нужно срочно идти на прорыв к их машинам или чтобы захватить патроны.

И тут сквозь потрескивание и шелест пустынного эфира пробился голос капитана Симоннова – морпеха, командира одной из групп эвакуации. И тут же в воздухе послышались хорошо знакомые и до боли родные звуки – низкий, пульсирующий гул лопастей «ночных охотников». Потом стал вестись огонь. Два вертолета, подошедшие со стороны солнца (чтобы ослепить ПЗРК), зависли на траверзе. Не ракеты – настоящий шквал. Ужасающий шелест залпа – и неуправляемые реактивные снаряды вспахали землю за окраиной, где у боевиков, видимо, стоял их транспорт.

– «Макс», дай целеуказание!

Наверное, сверху стало хорошо видно, как среди низких домиков заматались вооруженные люди. А потом серыми всплесками полыхнули разрывы гранат. Спецназовцы били под-

² «Песочница» – Сирия на сленге спецназа.

ствольниками туда, где находились скопления боевиков. И тут же над поселком пронеслись два вертолета. Среди улиц горело и взрывалось все, что даже не могло гореть и взрываться, огонь и смерть сметали с ужасающим грохотом все вокруг. Спецназовцы видели, как метались люди, падали, разлетались под взрывами в разные стороны тела. Второй заход – и пошли в дело «Вихри» с лазерным наведением. Боевики, не знавшие страха перед сирийскими подразделениями, не страшившиеся расправляться с местным населением, сломались перед чудовищной мощностью, ударившей с неба. Они побежали. Но бежать было уже некуда – вертолеты гнали их, как волки зайцев, до самой гряды холмов.

Когда винтокрылые машины сели на выжженную площадку на окраине, выпустив тепловые ловушки, к ним уже бежали двенадцать запыленных, прокопченных спецназовцев. Они бросали оружие и рюкзаки внутрь машин, молча забирались сами. И только теперь Игорь Иноземцев понял, что нога не слушается. Он посмотрел вниз на темное пятно. Осколок гранаты угодил в икру ноги. И произошло это во время обстрела из РПГ. Голова закружилась от потери крови, но чьи-то сильные руки подхватили командира, и через минуту он был уже в вертолете.

– Уходим – услышал он голос Симонова. – Все на борту. Без потерь.

* * *

Иноземцев в полуденной дреме лежал в палате, положив на грудь раскрытую книгу. Медсанчасть располагалась в отдельном модульном блоке и почти все время пустовала. С небольшими травмами солдаты и офицеры базы тут не задерживались, ну а с серьезными улетали в Россию с регулярным бортом. Ранение у майора было не опасным, но большая потеря крови и начавшееся воспаление могли привести к серьезным последствиям. Однако первые же инъекции и процедуры показали, что угроза миновала. И благодарить за это Игорю следовало Анну Сергеевну, точнее, капитана медицинской службы Воронину, которую он знал уже тысячу лет.

– Аня, привет! – улыбнулся Иноземцев, когда Воронина зашла в палату.

– Ну, оклемался, герой? – улыбнулась женщина и подошла к кровати, на которой лежал раненый.

Игорь попытался подняться, отбросить одеяло и встать, но Анна замахала руками и силой заставили раненого снова улечься на подушку.

– Ты с ума сошел, Игорь? Тебе лежать и лежать сейчас надо, сил набираться. Счастье просто, что все обошлось, что осколок не задел крупные сосуды и заразу мы в твоей ране победили. Правда, чистить мне ее пришлось основательно – пришлось иссекать разможенную ткань.

– Да я... – Иноземцев слабо улыбнулся и снова покорно лег. – Я думал, что там ерунда. Я ведь до вертолета дошел на ногах и только потом понял...

– Ага, и сутки без сознания, – кивнула Анна, строго глядя на старого друга, и уселась на стул возле кровати. – Ну ладно, это мы тебя специально в искусственную кому ввели, чтобы не бегал, не вскакивал. Как ты тут, Игорь? Я в Москве к твоим забегала, гостинцев тебе от них привезла.

– И как там старики? Я почти год дома не был.

– Нормально, как и все родители – переживают, но виду не показывают, стараются выглядеть здоровыми и бодрыми.

– А ты как, Аня? Со своим не помирилась?

– У, вспомнил, – грустно улыбнулась женщина. – Мы в две тысячи пятнадцатом развелись, так что я два года как в разводе. Теперь могу полностью отдаваться службе. Вот сюда напросилась – на повышение квалификации по военно-полевой хирургии. Кстати, там к тебе рвется какой-то майор Мухин! Удерживаем с трудом. Уж больно он септический весь, пыльный.

– Лешка? Мухин? – заулыбался Иноземцев. – Странно, что ты его не знаешь... хотя он же питерский. Мы с ним вместе училище оканчивали. Вот такой парень!

Игорь поднял руку с выставленным большим пальцем. А потом внимательно посмотрел на Анну, и та как будто поняла его мысли и отвела взгляд, смутившись.

– Я его к тебе пушу, потому что он там что-то про командование говорит. И про твой последний выход. Ты послушным будешь, если я разрешу? Не станешь скакать по палате, обниматься с ним и хлопать друг друга по плечам и по спине?

– Буду лежать, как послушное бревно, Аня! – улыбнулся Иноземцев. – Мы с ним тут уже полгода вместе. А где он сейчас?

– За дверь, – проворчала врач и поднялась со стула. – Запомни, ты обещал! А с твоим Мухиным я сейчас работу проведу. Соответствующую!

– Напрасно ты с ним так, Аня, – преодолевая боль, рассмеялся Иноземцев. – Нервы и выдержка у Мухина просто фантастические. Ты знаешь, как про него в училище говорили? Что Мухин и мухи не обидит. В том смысле, что вывести его из себя невозможно, заставить нервничать, потерять контроль он не может. Хотя говорят, что один тип как-то... Но это не установлено точно.

– Прямо супермен какой-то, – улыбнулась Воронина. – Прямо Рэмбо. Хотя если вспомнить фильм, то как раз Рэмбо и наворотил дел в том сюжете, что просто мама не горюй!

Врач вышла в коридор и посмотрела на майора в летней, песочного цвета тропической форме. Офицер сразу встал, но без торопливости. Как-то степенно, выражая почтение. Анна сразу почувствовала внутреннюю силу этого человека, уверенность. И лицо хорошее – открытое, честное какое-то лицо. «Как это я в прошлый раз не разглядела его, – подумала Анна. – Слишком строго разговаривала, как начальник. А ведь эти ребята по нескольку дней одни ходят и ездят по пустыне среди банд игиловцев, или „бармалеев“, как они их тут называют, вступают в бой чаще всего с превосходящими силами противника. Как-то про них сказали, что база Хмеймим существует благодаря вот этим группам спецназа. Они добывают сведения, выясняют степень и направление опасности, они наводят нашу авиацию на цели».

– Простите, товарищ майор, – сказала Анна, глядя офицеру в глаза. – Я, кажется, с вами разговаривала слишком строго. Но прошу вас понять, что мы отвечаем за жизнь и здоровье раненых.

– Просто Алексей, – поправил врача майор. – Алексей Мухин.

– Анна Сергеевна, – машинально ответила врач и тут же поправилась: – Анна. Воронина.

Она оценила, как Мухин мягко отреагировал на ее извинения, сменив тему разговора. Не о погоде заговорил, а просто сократил дистанцию, предложил называть его просто по имени. И извинения принял, и тем самым ответил на них, и вообще показал, что это не самое главное и говорить об этом просто больше не стоит.

– Я могу пройти к Игорю? – спросил Мухин. – Нам надо поговорить о деле. Совсем немного и недолго.

– Да, конечно, – кивнула Анна, и ей почему-то захотелось улыбнуться этому майору. – Я сказала, что вы здесь. До свидания... Алексей.

– До свидания... – кивнул майор и вдруг улыбнулся обезоруживающей улыбкой.

Улыбнулся так, что невозможно было удержаться от ответной улыбки. Воронина улыбнулась в ответ, смутилась, опустила голову и быстро пошла по коридору модуля. Она шла и чувствовала, что Мухин смотрит ей вслед. Конечно же, он оценивает ее фигуру, стройность ног, густые каштановые волосы, но почему-то его взгляд ей не казался пошлым. Даже где-то в глубине души Анна хотела, чтобы и ее фигура, и ноги этому мужчине понравились.

«Я с ума сошла, что ли?» – с улыбкой подумала Анна, сворачивая за угол.

Мухин вошел в палату и замер на пороге, глядя на старого друга. Они виделись редко, и это была мужская дружба: скупая на эмоции, основанная не на словах, а на поступках. Как

тогда, когда Мухин среди ночи сел в машину и гнал ее за двести километров, потому что Игорь был в командировке, а его отцу стало плохо на даче, а мать Игоря растерялась и не знала, что делать. Батарея телефона села, едва она успела сказать, что не может дозвониться до скорой помощи. Мухин приехал вместе со скорой и показал дорогу, по которой медики могли подъехать к даче Иноземцевых.

– Здорово, Игорь! – Мухин подошел и крепко, но бережно пожал руку друга. – Знаю про твои подвиги. Молодец, тут спорить нечего. Вывел людей без потерь, да еще и задачу выполнил.

– Здорово, Леша! – Иноземцев поморщился, стараясь приподняться повыше на подушке. – Ну, задачу я выполнил не до конца. Пленного боевика я все-таки не довел.

– Расскажи, что это за штука такая. Меня через полчаса в штабе ждут. Думаю, пошлют добывать эти ПЗРК. Что там в этом районе?

– Ох, Леша, ты там во все глаза смотри! – покачал головой Иноземцев. – Район сложный, среди сирийского командования, я думаю, есть предатель. Нашу операцию просто «слили». Не очень это похоже на случайность. Лучше вообще без сирийцев обойтись. Или в крайнем случае организовать атаку сирийского полка в этом районе, чтобы охватить сразу большую территорию.

– Спугнем, – уверенно заявил Мухин, задумчиво глядя в лицо друга.

– Спугнем, – согласился раненый. – Возьми с собой «птичку». Без разведки с воздуха там тяжело будет. В такое дерьмо лезть – и без подготовки... Но ситуация, сам понимаешь... От этих ракет тепловые ловушки почти не спасают. Там какая-то другая настройка. Говорят, что на большую массу рассчитано, а кто говорит и про лазерное наведение. Разбираться с этими новыми американскими ПЗРК надо, это точно. И спешить надо, пока не начали сбивать наши штурмовики и транспортники. Ты, когда пойдешь, планируй маршрут через солончаки. Там пыли от колес почти не будет. Иди восточнее пустыни Магарм, но бойся песчаных бурь. Бывает, ветрами с побережья поднимает песок. Бури там короткие, но забивают песком по самые гланды! И большую группу не собирай. Небольшой группой проскочить легче. Интуиция мне подсказывает, что нас ждут там. Понимают наш интерес и что будем делать попытки добраться, чтобы получить образец.

– Ладно, надо будет над этим вопросом подумать, – кивнул Мухин, а потом вдруг улыбнулся и, понизив голос, спросил: – А эта врач, Анна Сергеевна, она давно в «Химках»³, я что-то ее раньше не видел?

– Анька? – Иноземцев заулыбался в ответ. – Я ее давно знаю, еще со школы. Свой человек, настоящий. А здесь она всего месяц. Решила уйти в себя. Два года назад, как выяснилось, разошлась с мужем. Решила, что в серьезной работе не будет времени на глупые мысли о замужестве и вообще мужчинах... А что, понравилась?

– Серьезная, – с уважением произнес Мухин. – Знаешь, есть такие женщины, которые если... лечить, то будет лечить по-настоящему. А если любить...

В штабной модуль Мухин явился в точно назначенное время. Вокруг стола несколько офицеров склонились над картой провинции Латакия. Майор с удивлением увидел здесь и помпотеха, и заместителя начальника штаба. Но старшим по званию и непосредственным начальником для Мухина был, конечно, полковник ГРУ Михаил Васильевич Савченко, который руководил поисковыми группами, ставил задачи, занимался анализом полученных сведений. А еще он был старым другом отца – полковника, теперь уже в отставке, Виктора Ивановича Мухина. Отец вышел в отставку после тяжелого ранения, и многие офицеры сожалели, что потеряли такого специалиста. Алексей, когда прибыл на авиабазу и встретил тут Савченко, стал чувствовать себя как будто под надзором. Но вскоре понял, что это были его собственные

³ «Химки» – авиабаза Хмеймим на сленге спецназа.

выдумки: Михаил Васильевич ничем не выделял сына своего друга среди других офицеров. Но смотрел на Алексея он все же иначе. И наедине разговаривал с ним больше по-отечески.

Доложив о прибытии, Мухин подошел к карте. Места знакомые – за это лето со своей группой майор облазил этот район к югу и востоку от базы вдоль и поперек. Офицеры с появлением майора замолчали и выжидающе посмотрели на Савченко. Ясно. Значит, решение принято и Михаил Васильевич будет ставить задачу. Обсуждение ситуации обычно выглядело иначе, а сейчас последует задание для группы. «Дядю Мишу я знаю хорошо, – подумал Алексей. – Значит, ему уже все ясно и нужна просто работа».

– Эти новые ПЗРК появились здесь недели три назад, – постукивая карандашом по карте, говорил Савченко. – Почему здесь? Здесь, где активно работает наша разведка! Думаю, что американский военно-промышленный комплекс больше интересуют эффективные испытания комплекса. Современная фронтовая авиация: истребительная, штурмовая. Значит, эти новые комплексы рассчитаны именно на эту сферу боевых действий. Чего-то действительно нового и революционного мы пока не заметили, но две наши «сушки» они завалили. Пилотов мы сумели эвакуировать, но ни приборы, ни сами пилоты дать дополнительной информации не смогли. Да, отстрел тепловых ловушек для этих ракет менее эффективен. Но почему они тогда так прячут эти свои «молнии», что за излишняя секретность? Значит, есть там какая-то изюминка, которую они стараются пока держать в тайне.

– Иноземцев не довел полевого командира, который знал, где сейчас находятся эти ПЗРК, они напоролись на большую группу боевиков, – заговорил Мухин. – Я поговорил с Игорем, и он мне о своих предположениях рассказал.

– Ага, догадался, какое задание мы хотим тебе дать, – одобрительно улыбнулся полковник. – Мы говорили с майором. Более того, показания погибшего пленного подтверждаются спутниковыми снимками. Район, где боевики прячут американские ПЗРК, примерно известен. Найти их надо, Леша, еще и потому, что сейчас не тысяча девятьсот семидесятый год, а две тысячи семнадцатый. С каждым годом НАТО приближается к границам нашей страны. Все новые и новые виды вооружения изобретаются в недрах западных ВПК. Обстановка в мире все более напряженная. И нам надо держать руку на пульсе. Тем более что мы с тобой – из военной разведки.

Мухин не сразу понял, что это дядя Миша вдруг начал эту политико-воспитательную речь, но, когда они остались вдвоем, он почувствовал настроение старого друга своего отца. Приказ был получен из Москвы, сроки поставлены жесткие, а в настоящий момент на базе находилась только группа Мухина, не считая раненого Иноземцева. Послать было просто некого. Бойцы были. Опытные и сильные бойцы, но вот подходящего командира в настоящий момент под рукой у Савченко не оказалось. Да и не стал бы он говорить, что не хочет посылать Алексея, что не хочет рисковать сыном своего друга. Но послать группу без опытного командира – означало неминуемые потери, ничем не оправданные потери. Погибнет группа, и это не только человеческие жизни, это еще и невыполнение приказа. А приказы в армии принято выполнять. Любой ценой.

– Три «Тигра», закамуфлированные, – неторопливо говорил полковник, глядя, как Мухин перебирает снимки. – Расстояние не самое большое. По прямой не больше пятидесяти километров. Да и серьезных укреплений там нет – заброшенная ферма, подвал и три «Тойоты» во дворе. Прикрытие – человек пятьдесят-шестьдесят. Боевое охранение с трех сторон. Два миномета.

– Да, обычное дело, – кивнул Мухин.

– Не обычное, Леша! – вдруг с какой-то горечью сказал Савченко. – У тебя сутки и не будет прикрытия. Тебе надо успеть все закончить до того, как начнется песчаная буря. Это единственный шанс повернуть без подготовки такую операцию. Не успеете, и вас будет трудно

вытащить. Почти невозможно. А сейчас шанс есть, что они не перебросят ракеты в другое место, будут ждать, когда пройдет песчаная буря.

– Как всегда, дядя Миша, – улыбнулся майор. – Вы что, ждете, что я откажусь? Мы вообще-то в армии. А в армии приказы выполняют.

– Мы в пустыне, Леша, – хмуря брови, сказал полковник. – Ты помнишь инструктора в Средней Азии, где вы проходили подготовку? Как он говорил вам? «Не пытайся переспорить пустыню. Стань пустыней».

– Да я помню. И не только его. Когда ты действуешь не в городе, а в джунглях, в лесах, в горах, то должен чувствовать себя хищником, и тогда природа примет тебя как равного. Будешь чувствовать себя оленем, которого гонят волки, и тебя сожрут, как дичь.

– А пустыня – это не лес. Это ад, если ты не готов бороться и побеждать.

– Все будет нормально, товарищ полковник, – улыбнулся Мухин и пружинисто встал. – Пора готовиться к выходу. Разрешите идти?

Они не стали обниматься, говорить какие-то напутствия, вспоминать отца, Питер. Они по-военному расстались, просто посмотрев друг другу в глаза. А через пять минут после того, как Мухин вышел, Михаилу Васильевичу позвонил Мухин-старший.

– Виктор, как ты? Как там Питер? – Савченко пытался говорить бодрым голосом с добродушными интонациями. Но старого спецназовца не проведешь. Какое там может быть добродушие в Сирии, да еще в работе офицеров ГРУ.

– Нормально, – отозвался Мухин-старший. – Стареем, толстеем, зарабатываем одышку и... живем воспоминаниями.

– Ну, они же бывают и хорошими, – улыбнулся Савченко, хотя улыбаться ему не хотелось. Трудно было заставить себя улыбнуться.

– Как там Лешка? – резко изменил тему разговора Мухин. – Не подводит тебя?

– Ты же знаешь, Виктор, что твой сын – отличный офицер и один из лучших спецов. Ты можешь им гордиться, и это не пустые слова. Ты знаешь, я не умею таких слов говорить, но...

– Ты слишком много сегодня говоришь, Миша, – вдруг вставил Мухин. – Ты отправил Алексея на задание?

– Да, – чуть помедлив, ответил Савченко и пожалел, что у него получилась эта предательская пауза. Еле заметная, но старый друг ее уловил.

– Опасно?

– Здесь всегда опасно... – проворчал Савченко, и снова старый друг его прервал:

– Опять много говоришь, но я тебя понял. Ты помоги ему советом в трудную минуту, другого не прошу.

– Я рядом, Витя, – тихо ответил Савченко. – Не переживай. В твоём сыне я уверен больше, чем в других.

Два старых друга, два полковника, отдавших большую часть своей жизни спецназу ГРУ. И один сейчас здесь, в Сирии, после телефонного разговора продолжал смотреть на карту, а другой далеко в Санкт-Петербурге, опустив руку с замолчавшим телефоном, смотрел прямо перед собой, не видя ни мебели, ни стены квартиры. Он видел своего сына, офицера, который уводил группу спецназа в опасный поиск. Виктор Иванович Мухин не жалел о том, что его сын стал военным, что пришел служить в Главное разведуправление армии, что посвятил свою жизнь спецназу. Он гордился сыном и сейчас мысленно попытался быть с ним там, в далекой Сирии, чтобы вовремя дать совет, поддержать. Да, они оба – и отец, и сын – выбрали эту профессию. Это была их жизнь и их судьба. Они ценили эти слова, услышанные когда-то в одном гениальном и очень правильном фильме, – слова о «профессии Родину защищать». Это было их профессией, оба готовы были по команде встать и идти туда, где они нужнее всего. Не думая о смерти, но зная, что в любой момент могут погибнуть. Думая только о товарищах и подчиненных, чтобы сберечь тех, кого ты можешь сберечь, даже ценой собственной жизни.

Понимать, что ты можешь погибнуть, и все равно идти в бой – это не просто профессия, это мировоззрение, это состояние души, порыв сердца. Есть Родина, есть люди – граждане твоей страны, и ты должен и можешь их защищать. Вот и вся философия.

Глава 2

Провинция Латакия. Средиземноморское побережье, которое помнит еще финикийцев и крестоносцев, а сейчас встречает вечер под дробь далеких выстрелов и гул взрывов. Авиабаза Хмеймим раскинулась южнее города, прижавшись бетонными плитами к самому берегу, словно припав к морю пересохшей глоткой военной машины. В этом месте время течет иначе: сумерки здесь – не передышка, а пересменка.

Часы показывают без двадцати семь вечера, когда солнце, белое и яростное весь день, начинает меняться. Жара спадает неохотно – она отползает от раскаленных ангаров и взлетной полосы, скукоживаясь в дрожащий маревый туман над бетоном. И тогда открывается небо. Светило, которое с утра казалось безжалостным источником ультрафиолета, к вечеру, опускаясь к горизонту, будто наливается тяжестью и густой кровью. Оно не желтое и не оранжевое – оно цвета древней меди, долго пролежавшей в земле. Диск увеличивается на глазах, словно распухает от собственной тяжести, и медленно, сантиметр за сантиметром, погружается в средиземноморскую гладь. Море встречает его безропотно: вода у горизонта становится расплавленным серебром с киноварными прожилками, а ближе к берегу – свинцовой, почти черной рябью.

Свет заката пропитывает все вокруг. Он втекает в щели между бетонными блоками укреплений, золотит хвостовое оперение Су-34 на стоянках, ложится длинными тенями от зенитных комплексов «Панцирь». Песок у колючей проволоки становится медовым, потом янтарным, потом – пепельным. Воздух наполняется оранжевой взвесью: каждая пылинка, каждая капля солянки на бетонных плитах горит крошечным огоньком.

В этой красоте есть что-то древнее, почти библейское. Закат в Латакии похож на огромную рану, которую море не в силах затянуть. Он полыхает долго – у этих широт своя манера умирать не спеша, с достоинством. На западе, за горизонтом, лежит Кипр, но сейчас его не видно: там все залито алым маревом, и кажется, что пожар занимается за тысячу миль отсюда.

Птицы – редкие чайки, наглые и привыкшие к людям, – перестают кричать. Они садятся на мачты освещения и замирают, превращаясь в темные крестики на кровавом фоне.

Самолеты один за другим заходят на посадку. Пилоты ведут машины так, чтобы не смотреть прямо на солнце: этот свет режет глаза похуже лазера. Очередной борт касается полосы с мягким рыком, поднимая за собой шлейф пыли, который на секунду распадается на ветру. Двигатели стихают. И в этой паузе слышно море – оно шуршит галькой, тихо, по-домашнему, как в Крыму или в Геленджике. Если закрыть глаза, можно обмануться.

И вот – момент перелома. Сначала исчезает последняя алая кайма. Солнце ушло, но небо не темнеет сразу. Оно проходит через короткую стадию синевы – такой глубокой, прозрачной, как в высокогорье. Эта синева наливается из зенита, оттуда, где уже зажглись первые, самые робкие звезды. Потом южный край неба становится лиловым, потом фиолетовым, потом – бархатно-черным.

Ночь в Латакию не приходит – она наваливается, как тяжелое одеяло. Температура падает на пять-семь градусов за полчаса. От моря тянет сыростью, солено-горьким холодком, который пробирается под форму, заставляет зябко повести плечами даже бывалых. Песок, еще час назад жгучий, теперь выстужен и кажется липким. Бетонные плиты остывают медленнее – они хранят дневное тепло, и над взлетной полосой все еще висит слабое, уже невидимое глазу марево.

Над водой появляется дымка – не туман даже, а испарение, молочная пелена, которая стелется по поверхности моря, скрадывая границу между водой и небом. Горизонт исчезает: темное море сливается с темным небом, и понять, где кончается одно и начинается другое, можно только по звездам – они отражаются в воде короткими дрожащими дорожками.

На авиабазе включается дежурное освещение. Это не привычный городской свет – здесь лампы жесткие, галогенные, с синим отливом. Прожекторы на вышках шарят по периметру тяжелыми лучами, выхватывая из тьмы колючую проволоку, брошенную пару ботинок, чью-то тень, которая через секунду исчезает. Свет здесь не для уюта. Он для того, чтобы враг не подполз незамеченным. Воздух наполняется ночными звуками. Днем база гудит, рычит, воет турбинами. Ночью – прислушивается. Где-то далеко, за холмами, в сторону от Джирьяны, лениво стучит пулемет – очередь, пауза, очередь. Словно кто-то проверяет, жив ли еще этот мир, реагирует ли. На базе в ответ тишина. Но тишина злая, зубастая. В казармах не спят. На блокпостах у КПП зажгли «печки» – инфракрасные прожекторы для тепловизоров.

Небо над головой – черное, глубокое, усыпанное звездами, как не бывает над Москвой или Питером. Здесь Млечный Путь виден отчетливо, мутной полосой, рассекающей небосвод. Звезды не мерцают – они горят ровным, жестким, колючим светом. В два часа ночи поднимется луна – узкий серп, который даст мало света, но достаточно, чтобы силуэты стали заметны за двести метров. И в этой ночи, на фоне затихшего моря и остывшего песка, на фоне обманчивой, почти курортной тишины, группа спецназа ГРУ готовится к выходу. Тени среди теней. Движения без звука. Их не видно с вышки, их не видно с моря. Есть только скупые жесты в красном свете фонарика, надетого на палец, мазки камуфляжной краски на лицах, последнее касание цевья автомата.

Они идут туда, где закат не видят, – там только смерть и пыль. А здесь, на базе, ночь накрывает Хмеймим своим черным крылом и море шепчет что-то неразборчивое на языке, которому не учат в школах. До рассвета еще семь часов. Для кого-то еще семь часов спокойного сна, а для кого-то семь часов напряженной работы – рывок через пустынные районы, где нет ничего, кроме колючего кустарника, песка, трещин такыров⁴, холмов, оврагов и... смерти.

Анна, уставшая после дневного дежурства, вышла из медицинского блока на улицу и не спеша двинулась к общежитию. Хотелось немного подышать свежим воздухом, почувствовать запахи, доносящиеся с моря, прохладу. За углом ангара заработали автомобильные моторы. «Да, служба идет, – подумала врач. – И ночью тоже кто-то занимается обслуживанием техники, готовит ее к утру». Но через пару минут она увидела три бронированных автомашины «Тигр» песчаной камуфляжной окраски и группу спецназовцев в полном снаряжении и с оружием.

Здоровенный детина старший лейтенант Князев мгновенно отделился от группы и, поигрывая мускулами, небрежно перебросил автомат из одной руки в другую. На его физиономии сияла обычная жизнерадостная, даже чуть игривая улыбка.

– Аня! Анна Сергеевна, какой тебе подарок привезти из поездки?

– Паша, ты сам вернись, пожалуйста, целым и невредимым. Это уже будет подарком, – грустно усмехнулась женщина, ища взглядом Мухина.

Она даже не поняла еще, хотела бы видеть этого человека в составе группы или, наоборот, чтобы он остался на базе. Просто сбавила шаг и внимательно посмотрела на спецназовцев. А потом увидела майора и остановилась. Почему-то сердце сжалось от тревоги. Захотелось, чтобы этот человек посмотрел ей в глаза перед операцией.

И он посмотрел. Мухин, отдавая какие-то приказания негромким голосом, повернулся и замолчал, глядя на врача. Он не помахал рукой, как часто это делали другие бойцы, уходя в поиск, заигрывая с красивой молодой женщиной, не красовался своим героическим внешним видом. Он просто внимательно посмотрел, задержав взгляд на ее лице, а потом молча кивнул. Как будто сказал: «Все будет хорошо. Мы вернемся». И она кивнула в ответ, сжимая на груди ворот форменной футболки. «Как будто близкого человека провожаю», – подумалось Анне,

⁴ Такыр (*тюркск.* «гладкий», «ровный», «голый») – форма рельефа, которая образуется при высыхании засоленных почв в пустынях и полупустынях. Для такыра характерен плоский, лишенный растительности участок глинистого грунта, поверхность которого разбита сетью трещин на мелкие многоугольники.

а «Тигры» уже заурчали моторами, захлопнулись последние двери, и машины покатались по бетонке в сторону восточных ворот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.